

Когда Система продемонстрировала эти «данные», Линь Ци словно подвесили на дереве и принялись раскачивать на сильном ветру.

— Я... почему я должен на это смотреть?

Система ответила по-стариковски ворчливо:

— Это лишь вопрос времени.

Линь Ци подумал, не ввела ли Систему в заблуждение стопроцентная шкала благосклонности, и поспешил объясниться:

— Ду Чэнъин и я — хорошие друзья, всё совсем не так, как ты себе придумала. У Ду Чэнъина полно близких друзей.

Система сухо и безразлично бросила:

— О.

Линь Ци явственно ощутил неприкрытое пренебрежение.

Разве стопроцентная благосклонность обязательно означает любовь? Это вполне может быть родственная или дружеская привязанность. К тому же, по сценарию вокруг Ду Чэнъина полно девушек, так что ему совсем не обязательно запутываться в любовных драмах с ним.

К тому же Система упоминала, что уровень «омрачения» Ду Чэнъина достиг ста процентов, но Линь Ци совершенно не замечал в нём никакой тьмы. Напротив, тот стал даже более солнечным и улыбчивым, чем прежде.

Линь Ци решил пропускать мимо ушей мнение этой вздорной Системы.

Просматривать данные дальше не было смысла, и Линь Ци стал спокойно дожидаться появления наставников с горы Юэлу, чтобы те выбрали себе учеников.

Было бы неплохо оказаться в одной секте с Ду Чэнъином — меньше беготни. Правда, он не знал, будут ли те самые сцены унижений происходить так же, как в оригинале. Об этом он и спросил Систему.

Система многозначительно ответила:

— Некоторые вещи неизбежны.

Линь Ци немного успокоился. Если бы он только знал, что под «неизбежными вещами» Система имела в виду вовсе не сюжет, он бы точно... как следует изучил те данные.

Солнечный свет проливался сверху, белый туман вокруг постепенно рассеивался, а порхающие в воздухе талисманы утратили свою силу. Линь Ци, сидевший на ступенях без всякой грации, поспешно вскочил, вместе с остальными учениками склонился в поклоне и замер, опустив голову.

Сверху на них обрушилось мощное давление.

Линь Ци знал: прибыла делегация небожителей с горы Юэлу.

Мир этого произведения был устроен предельно просто и грубо: гора Юэлу считалась главной в мире совершенствующихся, а четверо мастеров — её столпами. У каждого была своя специализация, свой характер, и каждый был тесно связан с путем Ду Чэнъина к божественности.

Истинный мастер Саньюэ, как и сам Линь Ци, почти не привлекал к себе внимания. Линь Ци помнил, что тот даже не явился лично забирать учеников, отправив вместо себя подчинённых, и за всё время почти не появлялся на страницах истории.

Истинный Юань Юй — женщина, сильнейшая среди мечников. Обладала вспыльчивым нравом, ненавидела зло, была невероятно красива и крайне высокомерна. Поначалу она смотрела на Ду Чэнъина, не имевшего духовного семени, свысока, но позже, ослепленная ореолом главного героя, подарила ему выкованный ею Меч Тяньюань.

Линь Ци обоснованно подозревал, что это был один из гаремов, созданных Малым миром для Ду Чэнъина. Красивая наставница — любимый троп мужской аудитории.

Истинный мастер Гуйлянь был старейшим из них, мастерски владел искусством талисманов, появлялся и исчезал бесследно. Он многому научил Ду Чэнъина в совершенствовании и по праву считался одним из его духовных наставников.

Оставался лишь Истинный мастер Баошу, мастер алхимии и снадобий. Он же — подлый отец, бросивший жену и ребенка. В первой части истории он играл ключевую роль, постоянно ставил палки в колеса Ду Чэнъину, пока тот не проучил его. До самой смерти Линь Ци этот персонаж считался главным антагонистом на пути героя к величию.

Что происходило дальше, Линь Ци уже не знал.

Сверху на него упал изучающий взгляд. Линь Ци был вполне спокоен: по сюжету его должен был забрать старший брат Сяо Мо, ученик мастера Саньюэ. Семьи Сяо и Линь происходили из одного клана Линь из Хуаюаня, так что Сяо Мо заранее получил указание и, по сути, помог посредственному Линь Ци пробраться через черный ход.

Но при нынешних кардинальных изменениях сюжета Линь Ци не был уверен, что его всё еще заберет мастер Саньюэ.

Символы мастеров медленно опускались вниз, касаясь лбов избранных учеников. Те с радостью поднимали головы, кланялись наставникам и вставали за их спинами.

По мере того как людей вокруг становилось меньше, Линь Ци начал беспокоиться, но к его облегчению, никто так и не назвал имени мастера Саньюэ.

Значит, Сяо Мо ещё не сделал свой выбор.

Линь Ци стоял, опустив голову, и ждал, чувствуя, как ладони невольно вспотели от напряжения.

— Чэнъин, — раздался изящный женский голос с ноткой улыбки, — почему не выбираешь людей для своего учителя?

Уши Линь Ци словно взорвались: Чэнъин?!

Ему очень хотелось поднять голову, но сейчас это было бы слишком вызывающе, поэтому он был вынужден обратиться к Системе:

— Система, Ду Чэнъин помогает мастеру Саньюэ выбирать учеников?

Система:

— Да. Не волнуйся, он обязательно выберет тебя.

Линь Ци не почувствовал радости от этих слов: слишком уж буднично и уверенно прозвучал голос Системы, что показалось ему странным.

И действительно, следом раздался голос Ду Чэнъина. С едва уловимой улыбкой, скромно и мягко он произнес:

— Разумеется, наставники выбирают первыми.

— Саньюэ невероятно повезло, даже выйдя в свет, он умудрился подобрать толкового ученика,

— Истинный мастер Гуйлянъ погладил свою длинную белую бороду, с одобрением глядя на Ду Чэнъина. — На месте коллег я бы никого не выбирал, а забрал бы тебя, Чэнъин.

Ду Чэнъин слегка улыбнулся:

— Мастер, вы мне льстите.

Похоже, Ду Чэнъин не только заранее попал на гору и стал учеником мастера Саньюэ, но и успел заработать блестящую репутацию. Главный герой, переродившись в мире мужского фэнтези, действительно выкрутил свои читы на максимум. Линь Ци невольно вздохнул: зачем тогда вообще нужен он, этот персонаж-инструмент?

Истинный мастер Баошу, до этого молчавший, вставил:

— Почти всё закончено, ничего путного здесь больше не осталось.

Оставшиеся ученики, которых ещё не выбрали, выглядели оскорбленными.

Линь Ци, опустив глаза, старательно нахмурился, как того требовала роль.

Ду Чэнъин бесстрастно произнес:

— Наставники, возвращайтесь отдыхать, остальное я возьму на себя.

Юань Юй и Гуйлянъ улыбнулись и ушли, а Баошу даже не удостоил его ответом. Трое мастеров развернулись и увели новых учеников.

Ду Чэнъин с облегчением выдохнул, посмотрел на бледно-голубую фигуру в толпе и поднял руку, чтобы призвать символ мастера Саньюэ. Но в этот момент сверху стремительно слетел зеленый лист и с сухим звоном — «дзинь!» — столкнулся с символом.

Звук удара прогремел прямо перед Линь Ци. Он поднял голову и увидел, что ушедший было Баошу вернулся. Между его пальцев зажаты зеленые листья, а на губах играет насмешливая улыбка, обращенная к Ду Чэнъину.

Хотя они были отцом и сыном, внешне они не имели ничего общего. Баошу был красив, но

обладал меланхоличным, уставшим видом, тогда как Ду Чэнъин отличался ослепительной красотой, будто сошедший с картины. Баошу с первого дня относился к сыну крайне сурово: хоть и взял его в ученики, но не проявлял ни капли отеческой любви, тайно и явно нанося ему удары.

Когда Баошу забрал Ду Чэнъина, у того в теле совсем не было духовной силы, и он перенес немало мучений, из-за чего Линь Ци в свое время выполнил массу заданий.

Похоже, несмотря на перерождение, отношения между ними остались такими же напряженными. Линь Ци выдохнул: хорошо, значит, задания ещё будут.

Ду Чэнъин не дрогнул:

— Мастер, что это значит?

Баошу бросил взгляд на Линь Ци и холодно бросил:

— Выбираю ученика.

Линь Ци: «...» Нет, не может быть?

Ду Чэнъин предвидел, что Баошу будет мешать, поэтому специально придержал выбор, сказав, что заберет тех, кто остался. Но он не ожидал, что Баошу окажется настолько агрессивным и вернется, чтобы сорвать его планы.

Ду Чэнъин ни за что не мог позволить Линь Ци попасть в руки Баошу. Он лучше всех знал, насколько жестоки методы того, и Линь Ци просто не выдержит подобного.

— Мастер, этого человека мой учитель попросил выбрать лично для меня, — Ду Чэнъин решил прикрыться именем мастера Саньюэ.

Баошу не собирался отступать:

— Я перехватываю его.

Сказать такое о перехвате ученика у соратника, не чувствуя ни капли стыда — истинный главный злодей первой части.

Ду Чэнъин понимал, что Баошу не отступит, и пошел ва-банк:

— Этот человек из клана Линь в Хуаюане, он связан узами с несколькими моими братьями-учениками.

Баошу отрезал:

— Раз уж попали на гору Юэлу, к чему эти разговоры о происхождении? Разводить клановость — что за непотребство!

Терпение Ду Чэнъина подошло к концу. Лицо его сохраняло улыбку, но взгляд стал ледяным:

— Значит, мастер, вы решили идти против меня?

Его голос звучал ровно, он даже понизил его, сохраняя почтительность младшего, но от этого у всех присутствующих по спине пробежал холодок.

Кроме Баошу и Линь Ци.

Линь Ци спокойно спросил:

— Система, есть задания?

Система в сердцах воскликнула:

— Ты думаешь о заданиях в такой момент, когда они делят ученика, как ревнивцы?!

Линь Ци: «...» Не используй слова не к месту, это называется «противостояние».

Как мог Баошу позволить новичку так с собой разговаривать? Он грубо бросил:

— А если и так, что с того?

Линь Ци подумал, что сейчас начнется драка, сработает сюжет «пощечины», и его клетки персонажа-инструмента затрепетали в предвкушении. В таких сценах противостояния добра и зла у него, как правило, было две функции: провоцировать или мешать, а чаще — совмещать и то, и другое.

Линь Ци громко произнес:

— Мастера, прошу, выслушайте меня.

Баошу и Ду Чэнъин одновременно обернулись: один — с холодным, мрачным взглядом, другой — с теплым и полным тревоги. Линь Ци невозмутимо сказал:

— Благодарю Истинного мастера Баошу за столь высокую честь, но я всё же хочу стать учеником мастера Саньюэ.

Лицо Ду Чэнъина потеплело, в нем читалась нескрываемая радость, а Баошу в гневе воскликнул:

— Мои решения будут оспаривать двое юнцов?!

Он щелкнул пальцами, выпуская зеленый лист, и, не дожидаясь ответа, решил проучить Ду Чэнъина.

Движение было настолько быстрым, что Линь Ци, который хотел броситься на защиту, даже не успел среагировать. Он с ужасом смотрел, как Ду Чэнъин с глухим стоном падает с лестницы совершенствования.

Ду Чэнъин картинно перекатился несколько раз и рухнул прямо к ногам Линь Ци. Тот поспешно наклонился, чтобы поддержать его:

— Господин Ду! — он поднял голову и в гневе крикнул Баошу: — Как может Истинный мастер Баошу так злоупотреблять своей властью!

Слишком быстро! Он даже не успел активировать задание!

Ду Чэнъин одной рукой ухватился за предплечье Линь Ци, чтобы тот не бросился в безрассудную атаку на Баошу, и бледным голосом прошептал:

— Я в порядке.

Он действительно был в порядке. В тот миг, когда Баошу собрался атаковать, он успел увернуться, а сейчас просто перекрыл потоки ци, чтобы сделать вид, будто пострадал.

Линь Ци посмотрел на него сверху вниз и вдруг почувствовал, что роли перевернулись. По идее, это он должен был лежать на земле, а Ду Чэнъин — вспыхнуть от гнева и проявить свою силу. А теперь на земле лежал Ду Чэнъин. Как же теперь отыграть?

Линь Ци пытался подобрать реплику, но не смог, просто глядя на Ду Чэнъина с выражением глубокой скорби.

К счастью, Баошу перетянул внимание на себя, фыркнув:

— Какая трогательная парочка мучеников.

Линь Ци: «...» Опять неправильно использовал идиому!

Ду Чэнъин повернул голову к Баошу:

— Мастер, зачем же так давить?

Баошу нахмурился:

— Ты что, не отступишь?

Ду Чэнъин ответил слабым, но твердым голосом:

— Мастер, неужели вы так хотите разлучить нас?

Линь Ци чувствовал, что ситуация становится всё более странной. Рука, которую сжимал Ду Чэнъин, начала гореть. Но те двое были настолько поглощены перепалкой, что вставить хоть слово было невозможно.

Система:

— Хочешь посмотреть Супер-Гонки?

Линь Ци: «...»

Система соблазняла:

— Они еще долго будут спорить, не хочешь глянуть на воскрешение 017-го?

Линь Ци твердо отказался:

— Нет.

Система:

— 017-й уже на арене.

Линь Ци немного поборолся с собой и с трудом выдавил:

— ...Нет.

Он поклялся, что обязательно сменит эту Систему, которая провоцирует и мешает делам даже лучше, чем он сам!

Битва за ученика закончилась лишь с появлением Истинной Юань Юй.

Она заметила, что Баошу не вернулся, догадалась, что тот снова пошел донимать Ду Чэнъина, и отправилась на помощь.

На горе Юэлу она была не только единственной женщиной-лидером, но и представителем высшей боевой мощи. Стоило ей вмешаться, как даже Баошу пришлось отступить. Бросив напоследок «еще увидимся», он ушел.

Ду Чэнъин с трудом поднялся, бледный, и произнес:

— Благодарю вас, мастер, за помощь.

Юань Юй вздохнула. Она не понимала, почему Баошу так ополчился на этого юношу, но сама очень ценила его талант.

— Я могу помочь тебе сейчас, но не всю жизнь, — сказала она.

— Ученик понимает, — спокойно ответил Ду Чэнъин.

Юань Юй взглянула на Линь Ци, поддерживавшего Ду Чэнъина:

— О, ты ведь из клана Линь в Хуаюане?

Линь Ци почтительно поклонился:

— У вас зоркий глаз, мастер. Ученик Линь Ци приветствует вас.

Юань Юй залиvisto рассмеялась:

— Дело не в зоркости, а в чутье. От вас, ребят из клана Линь, всегда так странно пахнет.

Линь Ци напрягся: он не помнил, чтобы у него была такая характеристика.

Ду Чэнъин в душе кивнул: от Линь Ци действительно исходил тонкий, едва уловимый аромат, который каждый раз успокаивал его и приносил покой.

Небольшой переполох закончился. Ду Чэнъин проводил отвергнутых учеников вниз, извиняясь и прося никого не распространяться о случившемся.

Ученики, униженные Баошу и видевшие, как он беспричинно отбирает людей и наносит травмы, под впечатлением от благородства Ду Чэнъина внешне согласились, но в душе затаили еще большую обиду на Баошу.

Ду Чэнъин с удовлетворением проводил их взглядом и вернулся за Линь Ци.

В итоге Линь Ци, как и в оригинальном сюжете, стал учеником мастера Саньюэ и поселился на

той же горе, что и Ду Чэнъин.

В прошлой жизни, когда Ду Чэнъин был учеником Баошу, его пещера была крайне убогой, и всё необходимое туда приносил Линь Ци.

Когда же Линь Ци увидел пещеру, роскошную, словно дворец, у него отвисла челюсть.

Ду Чэнъин мягко сказал:

— Учитель занят делами и редко бывает на горе, каждый устраивается как может. Это я подготовил для тебя... для тебя, младший брат.

Тот, кого он когда-то называл старшим братом, теперь стал младшим. Ду Чэнъин чувствовал одновременно и новизну, и облегчение: теперь настала его очередь оберегать Линь Ци.

Линь Ци: «...» Материальные соблазны не смогут сломить преданного своему делу юношу.

Саньюэ и правда не любил заниматься делами, и у его учеников была полная свобода — каждый обустраивал свою пещеру как хотел.

Но строить на горе, где живут совершенствующиеся, настоящий императорский дворец — это уже перебор!

Линь Ци не сомневался: если этот грандиозный дворец перенести в реальный мир, вход туда стоил бы не меньше двухсот юаней, причем без скидок в праздники и каникулы.

— Младшему брату не нравится? — Ду Чэнъин, видя отсутствие восторга, мысленно отругал себя за недальновидность. Разве мог его старший брат быть человеком, падким на мирскую роскошь? Такая вульгарность наверняка оскверняла чистоту его души и вызывала лишь досаду.

Линь Ци с сомнением ответил:

— Ду... старший брат, ты проделал огромную работу.

Надо же, кто бы мог подумать, что Ду Чэнъин такой мастер архитектуры.

Ду Чэнъин с досадой сказал:

— Если не нравится, я прикажу снести. Не нужно себя заставлять.

Снести... снести...

Линь Ци подумал, что такую изящную постройку будет жалко уничтожать, и поспешно добавил:

— Нет-нет, всё отлично, я буду здесь жить. Спасибо, старший брат.

Ду Чэнъин, наблюдая за переменой в настроении Линь Ци, подумал: какой же он чуткий, всегда готов пожертвовать своими желаниями, лишь бы не ставить других в неловкое положение.

Взгляд Ду Чэнъина был настолько полон чувств, что даже Линь Ци, не отличавшийся проницательностью в подобных вопросах, почувствовал неладное. Он внезапно осенило:

— Старший брат, ты сильно ранен? Нужно тебя подлечить?

При упоминании лечения глаза Линь Ци даже заблестели.

Ду Чэнъин решил, что Линь Ци беспокоится о нем, и только Система знала, что Линь Ци беспокоится о задании.

— Тогда побеспокою тебя, младший брат, — тихо ответил Ду Чэнъин.

Он не был ранен, но ради Линь Ци готов был получить любую рану.

Ду Чэнъин ушел под предлогом поиска снадобий, оставив Линь Ци осматриваться.

Внутри пещера была в десятки раз роскошнее, чем снаружи. Сокровища из мира смертных и мира совершенствующихся были расставлены повсюду, словно ничего не стоили.

Линь Ци сел на кушетку и обнаружил, что она не только огромная, но и невероятно мягкая — словно облако с неба упало на землю и превратилось в постель. У изголовья в тишине распускался редчайший Трёхсердечный лотос, источая чарующий, едва уловимый аромат.

Линь Ци проверил узлы заданий этого мира и обнаружил, что, кроме «Лестницы совершенствования», все остальные померкли.

Линь Ци почувствовал, что ему стало нехорошо.

Система:

— Не паникуй.

Линь Ци перебил:

— Я не буду смотреть на эти вещи. — Он даже не хотел называть те книги «данными».

Система:

— Хм, я ведь даже не упоминала их. Подсознательно всё-таки хочешь посмотреть?

Линь Ци: «...»

<http://bllate.org/book/22177/2310692>